

могут употребляться в русской речи и как склоняемые, и как несклоняемые.

Общая картина грамматического варьирования новых иноязычных слов показывает, что на характер адаптации заимствуемых слов в русском языке оказывают влияние следующие факторы: 1) окончательная смена к концу XX в. доминирующего языка-источника: в подавляющем большинстве случаев это английский язык, составляющий слова с определенными структурными особенностями, важными для словоизменения и родовой принадлежности; 2) тенденция к аналитизму; 3) смысловая аналогия заимствуемого слова с исконно русским словом.

ЛИТЕРАТУРА

Гимпелевич В. С. Об одной группе

несклоняемых существительных в русском языке // Вопросы грамматики русского языка. – Вып. 2. – Иркутск, 1976.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1987 [ГСРЯ].

Краткий словарь современных понятий и терминов / Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др. – М., 2000 [КССПТ].

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2000 [ТСИС].

Обратный словарь современного русского языка. – М., 1996 [ОССРЯ].

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л., 1950–1965 [БАС].

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб., 1998 [ТСРЯ].

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – М., 2006 [АЛ].

Г. М. ШИПИЦЫНА,
М. Б. ГЕРАЩЕНКО

Белгород

Развитие многозначности как способ пополнения словарного состава современного русского языка

На языковом материале XXI в. рассматривается процесс образования новых значений у имеющихся слов как эффективный способ обогащения словарного состава современного русского языка.

Ключевые слова: *словарный состав языка; обогащение лексического фонда; лексико-семантическая единица; многозначность; сочетаемость; границы слова; омонимы.*

Не останавливаясь на проблеме тождества и различия разных значений слов и разных слов, обратим внимание на языковые процессы, приводящие к обогащению лексического запаса русского языка, хотя они не всегда связаны с появлением нового слова в его новой звуковой и морфемной форме.

Эти процессы в итоге дают огромный по количеству приток номинативных еди-

Шипицына Галина Михайловна, доктор филол. наук, профессор Белгородского государственного университета. E-mail: Shipitsina@bsu.edu.ru

Герашченко Майя Борисовна, кандидат филол. наук, ст. преп. Белгородского государственного университета. E-mail: Gerashchenko@bsu.edu.ru

ниц. В тот или иной исторический период каждый из путей пополнения языка средствами номинации оказывается наиболее востребованным для выражения соответствующих духу времени семантических особенностей обозначений, а также для передачи прагматических и коннотативных нюансов отражения в словах отношения носителей языка к обозначаемым объектам.

Процесс появления новых значений у имеющихся слов в языке действует постоянно как закономерность номинации нового, обусловленная мыслительными особенностями познания незнакомых, новых объектов, а также их оценки и выражения определенного к ним отношения, путем

их сопоставления с уже имеющимися и знакомыми предметами или явлениями действительности. Мотивированные названия, в частности обозначения метафорического типа, легче усваиваются, поскольку в основе метафоризации лежат мыслительные процедуры обработки, идентификации и структурирования знаний, в итоге возникают новые значения слов как результат языкового воплощения этих знаний и жизненного опыта, во многом сходных у носителей одного и того же языка и потому обеспечивающих их взаимопонимание. Переносными значениями номинируются предметы, имеющие немотивированные, непонятные, не запоминающиеся, наконец, просто неинтересные официальные названия. Например, слово *игла* служит общеупотребительным обозначением современного российского оружия – переносного зенитно-ракетного комплекса, хотя у него есть и официальное название из букв и цифр как изделия военно-промышленного комплекса (9К38), но официальными названиями в сообщениях об использовании кем-то этого оружия не пользуются. Многие носители русского языка это оружие не видели, но само слово *игла* дает о нем представление: оно, возможно, по форме, а может быть, еще и по действию напоминает иглу. Действительно, головка ракеты «Игла» увенчана длинным, похожим на иглу штырем, который пробивает фюзеляж цели, углубляется в ее корпус и там взрывается, полностью разрушая летящий объект. Метафорическое название *игла* закрепилось еще и под воздействием системности лексики, которая обусловлена системностью отражения ее состава в сознании носителей языка: предыдущее поколение этого оружия с меньшей боевой эффективностью называлось словом «Стрела». Игла, конечно же, инструмент более точный, чем стрела, потому мотивировка нового названия понятна. Так у многозначного слова *игла* появилось еще одно значение, не зафиксированное современными словарями, но функционирующее в языке.

Семантическая общность всех значений слова *игла* в том, что они передают

сходство в форме и свойствах разных предметов: все иглы длинные, тонкие, колючие, ср.: *металлические иглы, иглы хвойный деревьев, иглы на теле животных*. Действие системности лексики и системности ее отражения в языковом сознании проявилось также и в выборе неофициальной номинации соответствующими специалистами созданного на базе «Иглы» всего комплекса аппаратуры и прочих нужных вещей словом «*Стрелец*» [Из информации официального сайта военной кафедры МЭСИ. <http://www.vk.mesi.ru/arms2105/html>].

Причиной развития переносного значения у слов также может стать желание носителей языка выразить свою мысль, особенно оценку чего-либо, или в более жесткой, или же в более мягкой, щадящей форме. Примерами первого типа могут служить многочисленные метафоры для негативной, обидной для человека оценки его качеств, особенностей внешности, поведения и т.д. названиями животных – *свинья, баран, осел, курица, клоп, червяк, змея, черепаха* и т.п. Примеры второго типа: *Буратино* (в значении «наивный, доверчивый человек, простофиля») и *бизнес* (в значении «мошеничество, обман, незаконная деятельность как средство наживы»). Ср.:

Примечательно, что тем, кому повезло облапошить доверчивых *Буратино*, называют свою деятельность *бизнесом*, хотя ничего не производят и даже ничем не торгуют. (Деловой вторник. – 2004. – 29 марта) [СЭРЯ].

Конечно же, лучше выражать свои мысли и особенно свои чувства и отношение к другим людям или событиям в более мягкой, интеллигентной форме, чтобы грубыми словами не обидеть собеседника, не вызвать коммуникативного дискомфорта в общении. В русском языке существует огромный арсенал эвфемизмов – средств, позволяющих не называть грубо соответствующее явление (см.: [СЭРЯ]).

Основным языковым механизмом развития семантического объема слова, приводящего к возникновению у него новых значений, является расширение круга сочетаемости как следствие желания носителей языка сказать необычно, по-новому

и более выразительно. При этом могут использоваться и слова из периферийных сфер русского языка, в частности из ряда специальной (профессиональной) лексики.

Покажем процесс развития общеупотребительных значений у специального слова *архитектура*. Латинское по происхождению, вошедшее через польское посредство в русский язык, оно довольно долго имело единственное значение «искусство проектирования, возведения и художественного оформления строений; зодчество» (*архитектура здания, усадьбы*). В пределах этого значения слово отмечалось словарями и для обозначения строительных стилей: *дом готической архитектуры* [МАС-2]; в [БАС-2] зафиксировано также единственное значение у этого слова: «Искусство проектирования и строительства зданий и других сооружений в соответствии с их назначением, техническими возможностями и эстетическими воззрениями общества». Но в последние десятилетия слово *архитектура* значительно увеличило амплитуду своих смыслов, употребляясь в новых для него контекстах:

архитектура Европейского союза (РИА Новости. – 2007. – 26 окт.); архитектура европейской безопасности (Рос. газета. – 2009. – 20 июля); система финансовой архитектуры (Там же. – 2008. – 14 нояб.), партийная архитектура (РИА Новости. 2007. – 30 авг.), политическая архитектура (Новый регион 2. – 2006. – 12 июля); международная архитектура будущего (РБК Daily. – 2006. – 7 июля); архитектура завтрашнего дня (Рос. газета. – 2005. – 11 февр.); архитектура международного сотрудничества (Там же. – 2010. – 18 февр.); архитектура и принципы работы английских ЭВМ (РБК Daily. – 2007. – 21 нояб.); научно-технологический инкубационный центр с открытой архитектурой. (Там же. – 2007. – 21 нояб.); внутренняя архитектура процессоров компьютера (КП. – 1993. – 12 нояб.).

Результатом расширенной сочетаемости слова *архитектура* явилось перемещение этого слова из периферии словарного запаса (из специальной лексики профессионально ограниченной сферы употребления) в его активную общеупотребитель-

ную зону. Увеличение количества значений этого слова настолько явное, что новые значения уже зафиксированы в словарях XXI в., в отличие от толковых словарей последней четверти XX в. Так, в [ТС XXI], отражающем «наиболее существенные и очевидные языковые процессы последних годов XX в. и начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на языковое сознание его носителей» [Скляревская 2006: 6] на переломе общественной жизни и технической модернизации, указывается два новых значения, добавившихся к прежнему единственному («зодчество и его стиль»):

2. «перен. Устройство чего-либо (общества, организации, государства и т.п.) как единого целого», *Архитектура международных отношений, Архитектура будущей Европы*. 3. «информ. Совокупность основных устройств, узлов и блоков компьютера или микропроцессора и связи между ними», *архитектура персонального компьютера*.

В развитии семантики этого слова наблюдается метафорический перенос наименования, основанный на перемещении свойства одного предмета на другие. Языковым механизмом этого процесса стала актуализация семантических компонентов ядерных слов дефиниции основного значения – «искусство проектирования, художественного оформления...», но уже не только объектов домостроительства (зданий, дворцов, коттеджей), а вообще всего, что проектируется и художественно оформляется, что и дало возможность расширить сочетаемость слова *архитектура*. И тем не менее при употреблении слова *архитектура* в официальной речи пока еще учитываются его книжность, стилистическая высота и иноязычное происхождение, поэтому оно и в обновленных словосочетаниях употребляется в книжной речи, а в первых двух значениях – в книжной речи с оттенком торжественности, официальности. Но эти стилистические нюансы в современной разговорной речи и в просторечии нейтрализуются, и сочетаемость слова *архитектура* в значении «совокупность основных устройств, узлов и блоков компьютера или микропроцессора и связи между ними» продолжает рас-

ширяться. Этим словом начинают обозначать не только устройство компьютера, но устройство самых разных объектов, поэтому и появляются прежде вообще невозможные словосочетания с этим словом: *архитектура свадебного (праздничного) торта, архитектура кухонного гарнитура, достойная вас архитектура ванного убранства* (из рекламного сопровождения продаж, зафиксированная авторами статьи). Последние примеры показывают, как с помощью этого в прошлом специального книжного слова уже решаются проблемы постоянно возникающего дефицита в средствах выражения якобы чрезвычайно высокого качества предлагаемого товара как самого лучшего из всех известных аналогов. Это соответствует стили «рекламно-гламурно-глянцевому языку» современной рекламы и торговли. Чтобы представить товар с самой высокой оценкой его качеств, в этом стиле постоянно меняются оценочные слова (*правильный, продвинутый, элитный, культовый, знаковый, эксклюзивный*, а также образованные с помощью иноязычных компонентов *люкс-, экстра-, супер-, евро-*). Но «у оценочного слова в рекламном языке недолгая жизнь»: вначале его отыскивают либо в родном языке, либо в чужом, «причем положительной оценке в его значении, как правило, сопутствует еще какой-то интересный и нетривиальный смысл». Оно становится модным, «начинает использоваться в невообразимых контекстах», прежний его смысл «потихоньку стирается, и остается только восторженная оценка». Наконец, модное слово всем надоедает, перестает выражать сверхвысокую оценку, а рекламодатели и торговцы отыскивают новое слово для привлечения покупателей [Кронгауз 2009: 31].

Впрочем, языковая система устроена так, что ее процессы обычно уравновешивают друг друга, поэтому для всякого из них можно найти прямо противоположное явление. Так и процесс развития общеупотребительных значений у специальной лексики имеет свой антипод – приобретение общеупотребительными словами специальной, в том числе терминологической функции. Образованием переносных значений у общеупотребительных

слов обеспечивается обозначение объектов и понятий в сферах многих отраслей науки и производства, в том числе в информатике. Такой способ терминообразования способствует быстрому усвоению специальных значений слов на основе сопоставления с простым и хорошо известным понятием.

Развитие многозначности связано не только с появлением новых значений у одного и того же слова. Пока все значения слова связывает семантическая общность друг с другом, все они остаются в пределах одного и того же слова. Но когда мотивационные связи и семантическая общность у разных значений одного и того же слова ослабевают, происходит так называемый распад многозначности, при котором некоторые значения обособливаются, становятся самостоятельными словами. Процесс образования омонимов длительный, какое-то время отделяющееся значение находится в маргинальной зоне, у него переносный тип, поэтому степень его близости / отдельности по отношению к смысловой структуре исходного слова разными людьми, даже живущими в один и тот же исторический период, ощущается в разной степени. Этим объясняется различное представление подобных слов / значений в разных словарях – в одних они показаны как омонимы, в других – как разные значения одного и того же слова.

Еще больше таких несовпадений оказывается в словарях, созданных и изданных в разное время, поскольку слова с течением времени могли приобрести новые значения или активизировать их отдельные употребления. Например, слово *звезда* в [МАС-2] подается как одно многозначное слово с тремя значениями:

1. Небесное тело. *Полярная звезда*; 2. О человеке, прославившемся в какой-либо сфере деятельности; о знаменитости. *Звезда мировой сцены*; 3. Геометрическая фигура с остроконечными выступами, равномерно расположенными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра. *Пятиконечная звезда*.

Но уже и это соединение значений проблематично, поскольку для трех обозначаемых объектов, называемых словом

звезда, объединяющий их единый признак сходства найти сложно: для значений 1 и 2 – это может быть признак «сияния», но если звезда как небесное тело излучает свет в прямом значении, то звезда мировой сцены сияет в переносном значении этого слова, т.е. выделяется своим талантом. Геометрическая же фигура звезда как объект не имеет в своем значении обязательного компонента «сиять».

Дальнейшее развитие семантики этого слова привело к его большей многозначности и к возникновению омонимов. В последние годы особенно активно стали функционировать два значения слова *звезда*: одно – ранее фиксированное словарями, т.е. *звезда* как оценочное наименование лица, пользующегося широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т.п.), и новое значение: *звезда* в номинациях разрядов отелей (*отель уровня «две звезды», «три звезды»* и т.д.). Составители [ТС XXI] не нашли достаточной близости в этих значениях и представили их как два самостоятельных слова по отношению друг к другу, с чем трудно спорить. Но их следует считать омонимами и по отношению к прежним двум значениям слова: *звезда*

«небесное тело» и *звезда* «геометрическая фигура». Сходство последних также проблематично, и если в словарях следующих поколений появится уже несколько слов-омонимов *звезда*, этот факт следует считать закономерным результатом распада многозначности некогда единого слова *звезда*.

На базе необычных сочетаний многозначность у слов развивается так быстро, что за нею не поспевает словарное дело, поэтому в разграничении правильного и ошибочного сочетания слов в живой современной речи не всегда могут помочь словари.

ЛИТЕРАТУРА

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2009.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М., 2008 [СЭРЯ].

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 [МАС-2].

Словарь современного русского литературного языка. – М., 1991 (издание продолжается) [БАС-2].

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – М., 2006 [ТС XXI], [Складчиковская].

С. И. ШУМАРИН

Балашов

Новые тенденции в аббревиации

В статье рассматриваются новые тенденции, характеризующие развитие аббревиации как одного из способов компрессивного словообразования (сокращения на базе одного слова и на базе синтаксических конструкций, адъективация субстантивных аббревиатур).

Ключевые слова: *аббревиация; аббревиатура; аббревиатура субстантивного типа; аббревиатура адъективного типа; аббревиатура-высказывание; сокращение; сложносокращенное слово; несклоняемые (неизменяемые) прилагательные; иноязычные аббревиатуры; словари сокращений.*

В отечественной лингвистике аббревиатура описывается как единица, обладающая следующими свойствами: она образуется, как правило, на базе сочета-

ния слов и является существительным. Однако в современной речевой практике традиционная аббревиатура переживает целый ряд преобразований.

Так, наметилась тенденция к образованию аббревиатур на базе одного слова. Как аббревиатуры квалифицировал сокращения типа *зам, спец* Н. М. Шанский, отграничивая их от сложносокращенных

Шумарин Сергей Иванович, кандидат филол. наук, доцент Балашовского института Саратовского гос. университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: sshumarin@yandex.ru